

Алиса любила это время, когда поздний вечер переходил в глубокую ночь. Тогда в их маленьком городке под названием Костров устанавливалась окончательная и глубокая тишина, такая густая, темная и вязкая, что гасила последние, редкие всплески звуков — голоса запозднившихся прохожих, собачий лай, внезапные телефонные трели... Едва возникнув, эти обрывки шумов тут же исчезали, словно тонули в океане ночи.

В отдельно стоящей пристройке, где жила немолодая супружеская чета — садовник (он же охранник) Петрович с домработницей Ниной, — гас свет в окнах и замолкал, наконец, телевизор.

Огромный участок, на котором располагался дом Эрлендов вместе с садом, тоже погружался в сумрак, светильники здесь размещались только по периметру и на центральной площадке перед воротами.

И в самом доме наступала тишина, поскольку муж, Роман, ложился спать строго по расписанию. Выключал любимую музыку, ставил на беззвучный режим телефон.

Наступало время Алисы. Когда ей казалось, что она одна на целом свете и потому вольна делать что угодно. Время полной, абсолютной свободы! Время счастья.

Впрочем, Алиса и в другие часы чувствовала себя весьма неплохо... Жена известного, небедного, очень

умного человека; не утомленная работой и домашними хлопотами, здоровая, еще молодая и красивая... Да, Роман был старше ее на 21 год, Алисе сейчас — тридцать четыре, а мужу, соответственно, почти пятьдесят пять, без нескольких дней... Но Роман никогда не выглядел *старым* (да и кто в наше время осмелится назвать так пятидесятипятiletнего человека, которому даже еще до официальной пенсии далеко). Роману шел его возраст, и небольшая седина — тоже. Наверное, и в семьдесят, и в восемьдесят лет муж будет выглядеть столь же молодо-привлекательно. Таков типаж.

Правда, когда кто-то впервые, не видя еще Романа, вдруг узнавал, что муж на двадцать один год старше жены, то новый человек непременно удивлялся либо ужасался, иногда сдержанно, иногда явно, если не обладал хорошими манерами. И, либо взглядом, либо вслух, спрашивал: «Как? Неужели столь значительная разница в возрасте у супругов?» Но при личной встрече с Романом все подобные вопросы снимались сразу. Роман был очень... привлекателен, обаятелен. Красив «осенней» — благородной, сдержанной, мужской красотой, которой (редкий случай!) — годы только на пользу. Мужчин этого возраста с подобной внешностью, небрежной и уютной, что ли, часто снимают в рекламе, продвигающей дорогие яхты и дорогой парфюм.

Впрочем, седовласым плейбоем Романа тоже было трудно назвать, он не стремился поразить окружающих вальяжными манерами и надменными капризами. «Осенняя» красота Романа — интеллигентная, мягкая. Именно такими и представляют известных, уже пожив-

ших, получивших сполна славы, писателей — ироничными, вежливыми и привлекательными. Впрочем, Роман Эрленд — не совсем писатель. Он — мудрец, мистик, эзотерик, нашедший секрет человеческого счастья и спешащий поделиться им в своих книгах с людьми.

Все семнадцать лет своего брака Алиса ощущала спокойствие и умиротворение, находясь рядом с Романом. Да, случались какие-то мелкие шероховатости, странности в их отношениях... Но это такие мелочи, если подумать. Роман, например, был очень привередлив в еде, да и быт его угнетал порой. И спали они с Алисой в отдельных комнатах. Всегда.

Людям, привыкшим к одному матрасу, к одному одеялу на двоих, к постоянному созерцанию утренней помятости и вечерней усталости супруга это, конечно, казалось странным.

Зато проживание в разных комнатах способствовало личному комфорту супругов. Никакого застарелого раздражения друг другом!

Так вот. Алиса чувствовала себя вполне довольной жизнью женщиной, не связанной семейной деспотией.

А счастье этих свободных, «безмужних» вечеров заключалось для нее в ощущении уединенности. И в возможности творить что-то самой.

Алиса рисовала. Синей тушью на плотной бумаге... Рисовала девушку, которую она мысленно называла Эмилией.

Эмилия жила в странном мире, готическом, что ли. Когда окружающий пейзаж, интерьеры выглядят и страшно, и красиво. Старинный замок, устремленный

заостренными башнями ввысь, вокруг замка таинственный лес, и какие-то тени мелькают при лунном свете, слышатся чьи-то торопливые шаги, и кажется, что где-то рядом летают призраки.

Вообще, сколько она себя помнила, Алиса всегда что-то рисовала. В детском саду. В школе на уроках... На салфетках за обедом. Сидя где-то в очередях, в блокноте. Какие-то бесконечные комиксы...

Алиса словно сочиняла историю этой девушки, Эмили. Вот и сейчас Алиса, закусив от усердия нижнюю губу, принялась выводить синей тушью на бумаге силуэт своей героини. Длинное платье, тонкая талия, длинные локоны, огромные глаза...

— Алиса, я стучал, ты не слышала?

— А?! — спохватилась она, отложила в сторону специальную кисточку.

На пороге стоял Роман. Оказывается, она пропустила тот момент, когда он постучал в ее комнату, так увлеклась.

— Детка, мне надо с тобой серьезно поговорить, — сказал муж.

— Конечно, конечно! — воскликнула Алиса. Придвинула ему кресло. — Давай поговорим.

Они сели в кресла друг напротив друга.

— Я давно собирался это сделать... раскрыть тебе душу. Но как-то все смелости не хватало. Только дальше тянуть уже нельзя. Короче, детка. Я умираю.

В первый момент Алисе показалось, что она ослышалась. Роман не произносил этих слов! Хотя... да, он все-таки произнес их, не померещилось. Впрочем, в следу-

ющий момент она подумала, что, наверное, муж шутит? И тут же опять осадила себя — кто ж такими вещами шутит? Да и не был никогда Роман шутником, поклонником черного юмора.

— Почему ты молчишь, детка? — с усталой лаской спросил он.

Алиса всплеснула руками, прижала ладони к вискам. Затем затрясла головой — нет, нет, не может быть.

— Похоже, со мной то же самое, что было у моей матери, и у деда... — Он не произнес названия болезни, да и незачем это было, Алиса и так все поняла. — Пришло ко мне слишком рано, но что ж теперь.

— Дорогой, ты... уверен? Ты... ты консультировался с доктором? — наконец, дрогнувшим голосом спросила Алиса.

— Нет. Зачем. Я знаю эти симптомы наизусть, их ни с чем не перепутаешь, — со спокойной печалью произнес Роман. — Я все это очень хорошо представляю, с чего начинается, как продолжается и чем кончается.

— Сейчас медицина на другом уровне, сейчас новые лекарства! Тебя спасут!

— Алиса. Нет. Мои симптомы говорят о том, что я опоздал со всеми этими обследованиями и докторами. На несколько лет. А я не торопился, потому что был уверен, что у меня в запасе еще лет двадцать... Теперь уже нет смысла дергаться. Да, сейчас все на более высоком уровне, но толку-то. Последняя стадия есть последняя стадия.

— Дорогой... — умоляюще воскликнула Алиса. — Но почему ты думаешь, что у тебя тот же самый диаг-

ноз, что и у твоих родных? Вдруг это что-то другое... Не такое страшное. И, даже если это и оно... может, это еще не последняя стадия!

— Алиса, увы. Ты же в курсе, у меня всегда были проблемы с пищеварением. Еда с усилиями входит в меня и с усилиями же покидает мой организм. Сейчас я наблюдаю у себя все то же, что наблюдал у матери и деда. А эта гадость лечится точно так же, как и раньше, просто комфорту добавилось больным. Но это, по мне, не жизнь, а существование. Я уже много лет назад решил, что не стану бороться с этой противной напастью. Так легче, быстрее. И безболезненной, как ни странно. Мне не придется приходить в себя после всех этих мучительных и, по сути, бесполезных операций.

— Ромочка!

— Веди себя достойно, детка. Я же держусь, как ты видишь. Короче, прими это как данность — скоро я умру.

— Нет...

— Да, — спокойно произнес он. — Но это только вступительная часть... Дальше вот что. Слушай. В выходные мой день рождения, юбилей опять же. Я никогда не являлся любителем застолий, всегда старался избегать их. Но я хочу попрощаться со всеми. С миром я хочу проститься, в широком смысле. Приглашу самый близкий круг, тех, кто всегда находился рядом. Друзей. Соседей. Просто старых знакомых. В очень небольшом количестве. В общем, минимум приглашенных, из тех, с кем я спокойно общаюсь лично.

— Ты расскажешь им? О том, что с тобой происходит...

— Нет, — с неожиданной твердостью произнес Роман. — Я ничего никому не собираюсь сообщать. О моей тайне знаешь только ты. Очень прошу тебя молчать. Ни слова никому о моем близком уходе! — Он свел брови.

Алисе в этот момент очень хотелось спорить, протестовать, настаивать, биться — за каждый день жизни мужа... Но она заставила себя сдерживать свои порывы. Это его воля и его решение. Надо уважать чувства и желания мужа.

— Хорошо, — с трудом произнесла она. — Я буду молчать.

— Вот и славно. Всегда был уверен в том, что ты — моя истинная подруга, моя любовь, моя Прекрасная Дама, — едва-едва заметно, уголками губ, улыбнулся он.

— Но, пока есть надежда, я бы хотела...

— Понимаю, о чем ты, — тут же перебил он. — Но — нет. Там такое лечение, что при самом лучшем исходе оно повлияет на мою психику, на мой душевный настрой. Превратит меня в другого человека. Слабого, ноющего, агрессивного даже. Ты даже не представляешь, насколько портят характер все эти тяжелые процедуры и сильные лекарства. Мой дед, сильный, спокойный человек, превратился в злое, капризное чудовище... Нет, детка, нет. Я уйду из этой жизни самим собой. — Роман помолчал, потом добавил задумчиво: — Ну, и потом, мои ученики, мои поклонники, мои последователи... Все те, кто читают мои книги и строят свои жизни по моим рекомендациям, они не должны меня видеть таким. Не должны знать о том, что со мной происходит.

— Но они же все равно узнают об этом! — с тоской и смятением напомнила Алиса.

— Пусть знают о смерти, а не о долгом, мучительном угасании, — усмехнулся Роман. — Чувствуешь разницу? Без лечения я уйду быстро, легко и незаметно. Никто не должен знать о моем диагнозе. А ты потом, после моего ухода, расскажешь всем... что луч света упал на меня с неба и унес мою душу на Марс. Да, да, волшебный луч забрал меня на Марс! Красивая легенда... Люди и дальше продолжат спокойно читать мои книги, следовать моему учению и думать, что моя жизнь была пусть и не особо длинной, но зато легкой и светлой. В сущности, подобное — не редкость в истории человечества... Большой огонь — он всегда горит недолго, но ярко. Да, отказываясь от лечения, я жертвую собой. Но жертвую не просто так, а ради счастья людей. Не хочу никого напрягать и утомлять.

Алиса кивнула.

«А он и вправду похудел... Домашний костюм висит на нем как на вешалке!» — вдруг заметила она.

Роман всегда отличался особой стройностью, даже худобой. И именно это, кстати, очень молодило его, делало похожим на юношу, которому еще далеко до того момента, когда обычно мужчины начинают матереть.

Довольно длинные, до плеч, и очень густые, наполовину седые волосы; широкое лицо с впалыми щеками, немного морщин и немного серебристой щетины... Даже сейчас Роман выглядел красивым. Вернее, его красота показалась Алисе какой-то уж совсем неземной, что ли.

Она всегда восхищалась своим мужем, считала, что он не от мира сего. Ангел?

Но что сказать ему сейчас? Как поддержать этого необыкновенного человека, все время думающего о других людях?

У Алисы почему-то не нашлось нужных слов. Лишь какие-то суетливые, пошлые, штампованные фразы вертелись у нее в голове... Роман же смотрел на жену внимательно, все с той же усталой иронией. Это был взгляд человека мудрого, не питающего лишних надежд, взгляд печальный и сдержанный. Наконец, Алиса подобрала нужные слова. Нет, они тоже не являлись образцом душевности, но зато в них заключалась правда, идущая от ее сердца.

— Я останусь с тобой до последнего, — сказала Алиса. — Я буду всегда с тобой. Я поддержу тебя, насколько сумею. Я выполню все твои просьбы и пожелания.

Роман вздохнул, улыбнулся, отчего на его висках возле глаз пролегли лучики морщин. Пожалуй, лишь тогда, когда он улыбался, и становился заметным его возраст.

— Спасибо, — с нежностью произнес он. Встал. — Ну все, а теперь спать, спать... Надо отдохнуть, силы нам еще понадобятся. Спокойной ночи, детка.

Алиса бросилась к нему, обняла, поцеловала в щеку, в нос, в губы... Роман не любил, когда его целуют в губы. Он вообще сторонился всех этих нежностей, связанных с поцелуями, тесными объятиями... Он не терпел прикосновений чужих людей, терпел только Алису, да и то именно что терпел.

Сейчас Роман тоже мужественно вынес этот натиск от жены.

Муж ушел, и Алиса осталась у себя в комнате одна. Лечь спать по совету Романа? Алиса всегда слушалась

мужа, считая его своим наставником, но сегодня следовать его советам она была не в состоянии.

Ну как тут спать, когда внутри все дрожит и сердце громко стучит в груди?

Ко всему прочему, Алису еще и совесть мучила.

Дело в том, что супружеская близость исчезла между мужем и женой уже года как полтора. Или год? Алиса не подсчитывала специально, просто помнила, что последний раз случился, когда шел снег и все вокруг ждали Нового года. Но точно не этой зимой. Значит, прошлой? Вот тогда Роман пришел в спальню к Алисе. Улыбнулся своей печальной, немного ироничной улыбкой, скинул домашний халат, больше напоминающий царскую мантию, и нырнул к жене под одеяло.

Холодные ноги мужа, его холодные ладони, его холодный поцелуй — в щеку. Роман действовал почти без прелюдии, быстро и просто. Затем, по окончании процесса, его теперь уже прощальный, благодарный поцелуй холодных губ — в щеку, халат — обратно на плечи, и вот уже перед Алисой — закрывшаяся за спиной мужа дверь.

Все как обычно, все как всегда, все семнадцать лет, ничего нового и особенного, и это хорошо, потому что Алисе и не требовалось большего. Ничего сверх того, что ей всегда давали. Раз в месяц, иногда раз в два месяца, очень редко — два раза в месяц.

Помнится, после свадьбы, во время свадебного путешествия — было очень много любви. Где-то два раза в неделю.

Алиса считала эту сторону их супружеской жизни

с Романом вполне обычной и нормальной. Тем более что ей и сравнивать было не с чем.

Но год, или даже полтора без отношений — это слишком заметное событие, нельзя не обратить внимание. Весь этот «безбрачный» период Алиса тосковала и недоумевала. Что случилось? Почему? Разлюбил? Или это проявления возраста? Как-никак, Роману уже за пятьдесят... Именно поэтому Алиса и не приставала к мужу с расспросами. Вдруг они обидят его, заденут тонкие струны мужской психики!

Алиса молчала, не спрашивала, переживала. Ей вовсе не секса требовалось (к этой стороне человеческой жизни она ощущала безразличие), а понимания ситуации.

Хотелось знать, что случилось, но и спрашивать тоже неловко.

А вот сегодня, сейчас, все стало на свои места. Выяснилась, наконец, причина холодности Романа. Он болен, ему не до супружеских обязанностей...

Именно поэтому Алису сейчас мучила совесть. Она-то, дуручка, ревновала его, думала всякую ерунду, а у мужа — такая проблема!

Алиса заплакала, потом смахнула со щек слезы. Вышла из комнаты в коридор. Затем из коридора Алиса свернула в гостиную, после нее в другой коридор...

Она бродила по дому, сжимая руки, и не находила себе места от тоски. Как же так, как ей жить потом без Романа? Одной, в этом огромном пустом здании, построенном в готическом стиле? Кстати, может быть, именно поэтому Алиса и рисовала в этом стиле — ведь он был близок ей, все время перед глазами. И нарисованная

Эмилия — тоже отражение, но уже ее самой, хозяйки этого «замка»?

...Дом Роман начал строить еще задолго до знакомства с Алисой. Он тогда только-только стал популярным, написав первые три книги о том, как надо правильно визуализировать свои мечты, чтобы они превратились в реальность. Учение Романа отличалось красотой и простотой, было понятно практически всем.

Слава обрушилась на него. Книги расходились огромными тиражами, Роман много ездил по стране, выступал, проводил семинары по визуализации... В то время мистика и эзотерика были очень популярны в стране, хотя многие учения и многие «гуру» — пшик, фикция. Большинство пишущих — голые короли, решившие заработать на модной теме.

А вот у Романа его учение выглядело убедительным и работающим.

Именно тогда Роман решил построить себе дом. Подальше от шумной столицы. Он жил в Москве, и Москва ему категорически не нравилась. Атмосфера в ней, в прямом и переносном смысле, казалась ему большой, тяжелой.

Он решил поселиться где-нибудь в тихом месте, и выбрал Костров — маленький спокойный городишко. Почему именно Костров? А потому что там жил его покойный отец, с обожающей пасынка мачехой. Знакомое, проверенное место, близко к родным людям... Оно и дешевле, кстати.

Роман купил в Кострове огромный участок с садом и принялся строить дом своей мечты. Не сам, конечно, строил, к процессу были подключены архитекторы, ди-

зайнеры и рабочие-строители. Но все делалось по замыслу Романа.

Роман с детства чувствовал себя кем-то вроде рыцаря. Поэтому и дом своей мечты он видел в виде замка. Готического. Таинственного и прекрасного.

Высокие потолки, огромные окна из мозаичного стекла — витражи. Арки с заостренным верхом, высокие и тоже заостренные башни... Изящный и легкий, дом, построенный Романом, стремился ввысь, к небу; фасады его были украшены лепниной и орнаментами. Настоящий рыцарский замок.

Интерьеры тоже соответствовали выбранному стилю. Благодаря витражным окнам внутри создавалась особая атмосфера, таинственная и экспрессивная. Переливы фиолетового, красного, охры...

Много дерева и камня в оформлении. Использовалась и позолота, но без лишней помпезности. Двери выглядели не дверями, а некими порталами, словно ведущими в иное измерение. Люстры на цепях, имитация факелов на стенах. Отдельные светильники с мозаичными вставками. Ковры и гобелены, именно в этом интерьере, смотрелись очень органично и ничуть не напоминали советские времена. Картины в резных рамах, много скульптур — они изображали в основном каких-то фантастических животных и были сделаны под заказ.

В гостиной — камин, огромный стол, вокруг него стулья с высокими спинками, на полках множество безделушек, относящихся к рыцарской тематике.

На одной из стен, поверх ковра, висел рыцарский меч с богато украшенной рукояткой, блестящим полирован-

ным лезвием. Не настоящий, не исторический артефакт, а вполне себе качественная копия, соответствующая оригиналу. Им, этим мечом, как утверждал Роман, было можно рубиться и даже убивать.

Спальни в доме были тоже оформлены в готическом стиле: стены отделаны деревом, кровати с балдахинами, кресла с высокими спинками... Да что там, даже ваннные комнаты смотрелись оригинально, выложенные яркой плиткой с соответствующим рисунком, напоминающим фрески. Сантехника, подходящие светильники... Продумано все, вплоть до кранов и крючков на стене.

Алиса бродила по комнатам и коридорам этого огромного дома, напоминающего средневековый замок, и пыталась представить, как будет жить здесь одна. Без мужа.

И ничего не получалось. Алиса не видела себя здесь. Ну зачем ей эти высокие потолки, каминны и горгульи в углах? Что ей с этим всем делать? Без Романа ей ничего не надо. Смысл этого странного дома именно в том, что здесь живет маг и волшебник, вечный рыцарь — Роман. Без него все рухнет.

Что делать Алисе тогда?

Роман, конечно, называл жену Прекрасной Дамой, но чем заняться этой самой Даме — без своего господина?

Помимо того, что Алисе было тяжело представить, как это — потерять любимого мужа, она просто не могла вообразить, что вообще ей без него делать.

Хотя, если подумать, она и сейчас ничем особым не занималась. За садом и домом ухаживал Петрович, в комнатах хозяйничала Нина, а Алиса прибирала только в спальне мужа и в его кабинете.

Больше Роман никому не доверял. В том смысле, что ему было противно, когда его вещей касался кто-то чужой. Чем еще занималась Алиса? Именно она стирала вещи мужа, опять же потому, что он доверял только ее рукам. Она же готовила Роману пищу.

То есть как готовила... Алиса срывала плоды с деревьев и кустов в саду, она приносила с грядок морковь и капусту на отдельную, Романову, кухню, куда не допускалась даже Нина.

У Романа особые отношения с едой, сложные и загадочные. Наверное, его можно было назвать вегетарианцем, хотя он иногда питался вяленным мясом, которое ему откуда-то присылали. Еще Роман являлся отчасти фрукторианцем — он ел плоды, выращенные в своем саду или в оранжерее (Петровичем), изредка Роману покупались фрукты и ягоды в дорогом супермаркете, что располагался на центральной улице Кострова.

Мыла и чистила фрукты и овощи для Романа только Алиса. Вымачивала, терла, скоблила кожуру, опять полоскала в проточной воде — это все она. Роман знал, что жена совершает все эти манипуляции самым тщательным образом, не тяп-ляп.

Алиса натирала морковь, мелко-мелко шинковала капусту...

Роман еще и сыроед. Он не принимал ничего жареного или вареного. Все продукты ел только в сыром виде. Что там с вяленным мясом, как его готовили, Алиса была не в курсе. Может, тоже никак не готовили, просто сушили эти куски. А, да, еще муж употреблял в пищу орехи, их ему тоже присылали откуда-то в специальных ящиках.

Благодаря своей особой диете Роман выглядел очень молодожаво и бодро. Он даже написал отдельную книгу о том, как надо правильно питаться, и книга эта, кстати, тоже пользовалась огромной популярностью и выдержала с десятков переизданий. Что интересно, он даже включил в эту книгу свои ритуалы по приготовлению пищи. Чтобы как можно больше продуктов было выращено самим, приготовлено тоже самим и чтобы никакая чужая энергетика не соприкасалась с тем, что человек собирается поместить в свой желудок.

Наверное, особое отношение к еде выработалось у Романа после того, как ушли из жизни его близкие люди, дедушка и мама. От болезни, связанной с пищеварением. Доктора, лечившие его близких, постоянно напоминали Роману, что данная болезнь является наследственной, ему надо следить за питанием и, после определенного возраста, проходить регулярные обследования.

Обследования Роман отложил на потом, верно, он ориентировался на тот возраст, когда ушли из жизни его близкие (и до которого ему действительно было еще далеко), но, главное, он решил полностью изменить свой рацион, свое пищевое поведение. Его личная диета ничуть не напоминала все остальные известные диеты, хотя и имела со многими что-то общее.

Скорее всего, этой диетой Роман надеялся переломить ситуацию со своим здоровьем, и до последнего момента Алиса была уверена в том, что у мужа это прекрасно получается, он все делает правильно и он сумеет изменить злой наследственный рок.

А теперь выяснилось, что нет...

Алиса почувствовала, что слезы опять подступили к глазам. Тогда она вышла из дома в сад.

Август только начинался, и июльская жара еще не стерлась из памяти, а вот ночи, оказывается, стали ощущимо холоднее. Не совсем зябко еще, вполне терпимо бродить под луной в легком халате, но, судя по всему, осень уже близко.

Обхватив себя руками, Алиса принялась бесцельно плутать по тропинкам между деревьями. У забора — высокого, каменного, с частоколом острых зубцов сверху — холодным белым светом мерцали фонари.

Вдоль забора камеры, они, эти камеры, располагались везде. Еще датчики движения у забора. Кто вздумает полезть — датчики это засекут, сигнал сразу пойдет на пункт охраны. Петрович, опять же, выскочит, у него в домике, на мониторах, тоже все видно. Выскочит наперевес с ружьем, официально зарегистрированным.

Костров — тихий город. Каких-то страшных, резонансных преступлений в нем сроду не совершалось. Кражи случались, бывало, да. И разного рода мелкое воровство...

Но на дома известных людей, в том числе на дом Романа Эрленда, никто никогда не покушался. Во-первых, высокая и опасная ограда, даже не любой спортсмен такую преодолет, во-вторых, всем было известно и о камерах по периметру, и о ружье Петровича.

Так что Алисе не было страшно, когда она бродила по саду. В том смысле, что она не ждала здесь нападения реальных, *живых* людей. Но вот чего-то такого, призрач-

ного, неясного — Алиса опасалась. Потому что сам этот дом, напоминающий готический замок, внушал подобные мысли... О привидениях, призраках, чудовищах из потустороннего мира.

Алиса вышла замуж за Романа, едва окончив школу, в семнадцать лет. Нет, не ее ранняя беременность явилась тому причиной... Кстати, Алиса никогда в своей жизни и не беременела. Тут дело совсем в другом.

Алиса появилась на свет, когда ее матери исполнилось 45, а отцу 55. Она — поздний ребенок. Отец и мать откладывали появление потомства на потом, все ждали, когда обстановка в стране наладится, закончатся эти перестройки с путчами... А оно все никак, да никак.

Наконец, супруги решились родить дитя, в полной уверенности, что все сделали правильно... Есть некая финансовая подушка, есть где жить, здоровье еще крепкое. Но, увы, всего не предусмотреть. Начала болеть и сильно сдавать мама, мамы Алисы — баба Нюся... Ее как-то совсем в расчет не принимали, планируя ребенка, и зря, потом у мамы самой резко сдало здоровье, да и папа как-то одряхлел, причем внезапно и быстро.

Да, маме удалось родить здорового ребенка, как ей и обещали доктора, но поздние беременность и роды не пошли на пользу самой женщине. А еще лежащая бабушка... Маме, которой было под пятьдесят, пришлось возиться с маленьким ребенком, беспокойным и шустрым, и одновременно приглядывать за бабой Нюсей... Папа вышел на пенсию, денег в семье стало совсем мало, а найти новую подработку в этом возрасте — сложно... Нанять же няньку — это лишиться последних накопле-

ний. Какая еще «подушка безопасности», кто мог предположить столь неудержимую инфляцию?

Словом, случилось так, что все детство и юность Алиса прожила под угрозой того, что вот-вот станет сиротой и попадет в детский дом. Да и сама эта жизнь в бедности, почти нищете, радости не прибавляла, когда львиная часть денег уходила на лекарства..

Знакомый отца — Роман Эрленд, известный писатель-эзотерик, оказывается, давно приглядывался к Алисе. Она ему нравилась: девочка словно не от мира сего. Спокойная, тихая, нелюдимая, невероятная чистюля. Начитанная. Да еще и очень красивая! Роман официально пришел свататься к Алисе, едва только для нее прозвучал последний школьный звонок. Маме к тому моменту исполнилось шестьдесят два, папе — семьдесят два, а баба Няся уже отошла в мир иной. И родители Алисы с невероятным облегчением и радостью согласились на брак Романа и дочери.

Алису буквально передали из рук в руки мужу. Еще вчера она — ребенок, сегодня уже жена.

Роман Алисе нравился. На момент брака ему исполнилось тридцать восемь — лучший возраст для мужчины. А выглядел он еще лет на десять моложе, и ни у кого в Кострове не повернулся бы язык назвать Романа Эрленда старым сластолюбцем.

Каковым он никогда и не являлся, кстати. Поскольку Роман признался Алисе, что давно искал не страсть, а жену. Нет, даже так — Жену. Прекрасную Даму, дивное создание, Вечную Женственность...

Алиса, несмотря на свой юный возраст, все это прекрасно понимала еще тогда и потому не ревновала мужа к его поклонницам и фанаткам. В любви, как и в своих пищевых привычках, Роман отличался придирчивостью. Все женщины казались ему чужими, он не рассматривал их как любовниц. Не вступал с ними в близкие отношения, тем более после того, как у него появилась жена.

К детям и деторождению — Роман испытывал брезгливое равнодушие. Он считал эту часть человеческой жизни проявлением животного начала в человеке. Беременность, роды, кормление грудью у женщин — его пугали. Сами младенцы, с их неконтролируемыми отравлениями, постоянным плачем, срыгиваниями, коликами и «газиками», слюнями, готовностью тянуть в рот что попало, даже самое несъедобное — тоже пугали и вызывали отвращение.

Роман считал нормальным общение лишь с сознательными индивидами, то есть уже со взрослыми и контролирующими себя людьми.

Алиса являлась его ребенком, что-то вроде его духовной воспитанницы. В нее, как утверждал Роман, уже изначально было заложено самой природой много чистого, прекрасного, возвышенного. Правда, не совсем оформленного, что ли. И задача Романа — усовершенствовать эту прекрасную стихию под именем «Алиса», сделать ее разумной и гармоничной.

Роман не мечтал о детях, и Алиса, вступая в брак, тоже. Мало кто мечтает о детях в свои семнадцать лет... ну, а потом, под влиянием философии Романа, его речей,

Алиса тоже начала относиться к материнству, да и к совсем маленьким детям, с холодным безразличием.

Так вот. После смерти Романа она останется совсем одна.

Искать новые отношения, нового мужчину? А зачем? В сравнении с мужем все остальные мужчины — просто ничтожны и отвратительны. Грубы и приземлены. Они хотят лишь «жрать да на самку залезть» — однажды услышанное от домработницы Нины выражение, грубое, но зато точно отражающее суть мужской психологии. Фу.

Все ясно. Алиса окончательно решила для себя: да, она будет доживать одна. В этом самом «замке». Денег, накопленных Романом, хватит на долгое безбедное существование. И на оплату услуг помощников по хозяйству. . .

* * *

В выходные отмечали юбилей Романа Эрленда — 55 лет.

Ресторан для этих целей снимать не стали, Роман к общепиту — даже дорогие рестораны, по его мнению, это все равно тоже общепит — относился с опаской, да и вообще, ему не нравилась аура этих заведений. Может, в том же зале, где отмечают день рождения, накануне справляли поминки и лили слезы над покойным. Нет-нет-нет, никаких ресторанов. Тем более что Роман и не собирался приглашать кучу народу. Так, только ближний круг. . .

Празднование проводилось в доме Эрлендов, то есть в «замке», как все называли его.

Нина с Петровичем преобразили гостиную: убрали большую часть стульев, стол сдвинули к окну. Там — фуршетная зона. Закуски, шампанское... Никаких отдельных, сложных блюд, только канапе да тарталетки. Рулетики...

Роман терпеть не мог жующих людей, да еще жующих долго и основательно, не любил все эти церемонии — с переменами блюд, с накладыванием салатов, выносом горячего и прочими атрибутами пиршеств.

Алиса никогда не ела при муже. Это была его просьба с самого начала замужества. Алиса к этой просьбе отнеслась с пониманием и уважением. Да она и сама была человеком, далеким от гастрономических восторгов. Пища являлась для нее неким топливом, что ли. Ну да, надо закинуть в себя немного еды, если чувствуешь голод... Алиса ела то, что готовила Нина на отдельной, другой кухне, в том числе и для себя с Петровичем, — сырники, омлет, иногда борщ... Еду простую и непритязательную.

Но праздник без праздничного стола — как-то странно. Поэтому Роман и придумал «фуршетный» вариант для своего юбилея.

Алкоголь, кстати, Роман не пил. Водка казалась ему тяжелым напитком, виски с коньяком, а также ром, кальвадос, абсент и прочие крепкие горячительные — тоже слишком резкими. От шампанского у Романа начиналась изжога, ликеры, наливки были слишком сладкими.

Восторга многих перед вином Роман совершенно не разделял. Особенно перед настоящим вином, сделанным традиционным способом.

Как он однажды признался Алисе, нелюбовь к вину началась у него после просмотра старого итальянского фильма с Челентано, где герой месил голыми ногами виноград в бочке. Пить то, что сделано при помощи чьих-то грязных, а то и пораженных грибок стоп с нестриженными ногтями, под которыми не пойми чего творится?! Конечно, потом Роман узнал, что вино уже так не делают, существуют какие-то специальные давящие аппараты... Но и от того не легче — оказывается, виноград перед отжимом не моют, то есть, получается, вино делают из грязных ягод, на которых остались следы жизнедеятельности пролетающих мимо птиц, оно вместе с раздавленными насекомыми и улитками... брр, что угодно, но только не это хваленое настоящее вино!

Словом, Роман не пил алкоголь совсем. И вино на его юбилее не присутствовало вообще. Только шампанское, которое, пусть и делали его тоже из винограда, но почему-то именно оно не вызывало у Романа резкого неприятия.

Итак, гостиная в «замке» была поделена на две зоны — фуршетную, где гостям предлагалось выпить и закусить, и ту, где располагался Роман. Гости могли подходить туда, к хозяину, с тарелками, с бокалами — ничего страшного. Роман был готов немного потерпеть жующих людей. Главное, чтобы никто при нем не обкусывал мясо с костей, не забрасывал ложками в рот салаты...

Первой пришла Марина, давняя, преданная почитательница Романа. Марине пятьдесят семь лет, дети ее давно выросли, внуки тоже уже не младенцы, поэтому

Марина полностью погрузилась в учение Романа Эрленда. Кажется, Марина была влюблена в него — преданной, пылкой, девчачьей какой-то, несмотря на ее возраст, любовь.

Внешне Марина тоже застряла где-то между девичеством и наступающей пенсией, что-то от одного периода, что-то от другого мешалось в ее внешности. Джинсы, кроссовки, пестрые бурнусы, распущенные волосы ровного каштанового цвета и вместе с тем — тревожные морщинки между бровей, неловкие движения, когда суставы уже не столь гибки, скрипучий дребезжащий голос. «Сзади пионерка, спереди пенсионерка» — тоже выражение Нины.

Алиса никогда не ревновала мужа к Марине, наоборот, с умилением наблюдала за той... К давним поклонникам никогда не надо испытывать недобрых чувств. К *свите* — не ревнуют.

Марина отличалась равнодушием к питью и закускам, для нее важнее всего было общение с Мастером — так она, немного высокопарно, называла Романа, впрочем, как и многие в его окружении.

Пощебетав, для приличия, с Алисой о природе, о погоде, Марина намертво засела рядом с Романом.

Затем появилась Елена. Той — сорок три года. Ее отличительные особенности — это красная помада и белые кудри а ля Мерилин, всегда короткие платья, подчеркивающие талию и декольте. Общее впечатление от эффектного «пин-апа» портили лишь глубокие носогубные складки на лице Елены: создавалось впечатление, что «Мэрилин» только что попробовала что-то горькое,

очень горькое... Алиса тоже не ревновала ее к мужу, поскольку и Елена — свита. Эта женщина тоже одна из поклонниц Мастера...

Алиса встречала гостей, приветливо беседовала с ними, затем гости пускались в «свободное плавание» по залу, бродили от фуршетного стола — к Роману и обратно или же сбивались между собой в небольшие стайки для обсуждения общих тем.

Присутствовали еще и почитатели творчества Романа, жившие в Кострове либо приехавшие откуда-то, специально к юбилею Мастера.

Пришла Галина — почти ровесница Алисы, дамочка тридцати пяти лет. Пухленькая, низенькая, черноволосая, с откровенно-розовой полоской под носом (верно, спохватилась в последний момент перед выходом и решила избавиться от «усиков»). Зачем Роман ее позвал, Алиса даже не представляла, поскольку Галина являлась просто соседкой, и весьма дальней к тому же, да и страстью к учению Романа она не особо пылала. И сам он ее, кажется, тоже едва терпел, но вот почему-то позвал... Алиса не собиралась лезть и в эти отношения, поскольку повода для ревности в случае с Галиной тоже вообще не было.

Галина умудрилась привести с собой двух своих детей — двойняшек Сережу и Артема, десяти лет; как и она — круглых, невысоких, со жгуче-черными шевелюрами... Мальчики, попав в «замок», принялись сразу же изучать его «содержимое». Всем безделушкам, украшениям, деталям интерьера теперь грозила серьезная опасность. А уж когда дети потянулись к мечу, висяще-

му поверх ковра на стене, то опасность стала грозить и всем окружающим людям...

Алиса заметила издали страдальческий взгляд Романа и подошла к Галине:

— Может быть, пустим детей гулять в сад, под присмотром Петровича, он сейчас как раз ничем не занят?

Галина с радостью согласилась, видимо, ей самой хотелось отдохнуть от своих неугомонных отпрысков. Вызванный Петрович увел детей в сад.

Роман, заметив это, послал Алисе воздушный поцелуй.

Последними из гостей прибыли мачеха Романа, Лариса Игоревна — очень деятельная дама семидесяти лет, и сводный брат Романа — Игнат, родной сын мачехи. Игнат — невысокий, худощавый, с рыжевато-пепельными вьющимися волосами, длинным некрасивым носом с горбинкой. Взгляд его зеленых глаз был докторским — каким-то типично циничным, что ли... Неприятный тип — наверное, потому, что ему все собравшиеся тут люди тоже были неприятны, судя по кислой гримасе на его лице. Если бы не его мать, то Игната сюда бы и не позвали вовсе.

Что касается Ларисы Игоревны, то она являлась не просто поклонницей Романа, она его обожала. Это уже было многими замечено и, пожалуй, стало фактом, Лариса Игоревна любила пасынка сильнее, чем родного сына.

Лариса Игоревна — дама экстравагантная, предпочитала стразы и кружева в одежде, в украшениях — крупные камни, почти бульжники, носила парик — золотые

взбитые булки и признавала обувь только на каблуках. Она любила шампанское, вкусную еду, говорила громче всех, но, несмотря на это, Роман относился к ней с нежностью и снисхождением. Прощал ей многое и никогда не глядел на нее напряженно, словно мечтая — уж поскорее бы ты ушла... Нет, наоборот, именно этой даме, своей мачехе, Роман сегодня обрадовался больше всего, он оживился при ее виде.

Лариса Игоревна набрала себе тарелку канапе,хватила бокал с шампанским и расположилась рядом с Романом в кресле. Тарелку она поставила себе на колени. Болтала, пила, ела, роняя крошки и капая на себя содержимым бокала, — и ничего, Роман терпел, улыбался, слушал ее...

Что интересно, со сводным братом, Игнатом — тому было тридцать восемь лет, — Роман почти не говорил. Мужчины кивнули друг другу на расстоянии, обменялись парочкой дежурных фраз, и всё.

Роман старался не общаться с братом не только из-за личной неприязни, но еще и потому, что Игнат — врач, чьей специализацией были органы дыхания. Легкие! Он лечил больных с пневмонией и какое-то время даже с туберкулезом. Словом, Игнат лечил людей, чьи легкие были поражены чем-то таким... опасным и страшным! Пациенты, перенесшие грипп и ковид и получившие осложнения, как поняла Алиса, — как раз именно его пациенты.

А это значило, что Игнат — тоже опасный. Разносчик всяких вирусов и бактерий, раз он с ними сталкивается каждый день. Так считал Роман.

Конечно, нехорошо шарахаться от родственника только на том основании, что тот работает с заразой, но и радости от этого общения тоже никакой.

Роман никогда не показывал своей неприязни ни к Игнату, ни к кому-то еще, иначе он мог просто потерять свой авторитет как Мастер. Но Алиса-то знала обо всех сомнениях и страданиях мужа. И сама тоже незаметно сторонилась Игната все эти годы. Даже не из-за потенциальной возможности подхватить от него какую-нибудь инфекцию, а просто она терпеть не могла этого человека. Очень тяжелого в общении, чего уж там...

Алиса ходила по гостиной, беседовала то с одним гостем, то с другим, потом вспомнила про детей Галины — наверное, им надо отнести перекусить.

Хозяйка взяла широкую плоскую тарелку, принялась специальными щипцами накладывать на нее разнообразные рулетики, приготовленные Ниной.

— Что-нибудь случилось? — вдруг спросили рядом. Алиса повернулась — неподалеку стоял Игнат, с бокалом шампанского в руках. И внимательно смотрел на нее.

— Ничего не случилось, — преувеличенно бодрым голосом произнесла Алиса. А сама подумала: «Надо же, заметил! Ох, нет, нельзя раскисать... у меня на лице все написано! Ради Романа придется держаться...»

И она немедленно улыбнулась.

— Ты уверена, что все в порядке? Я бы давно в этом дурдоме спятил, — сказал Игнат.

— Зачем же ты сюда ходишь? — не выдержав, раздраженно спросила Алиса.

— Маменька потребовала. Потому что одной, без спутника, ей вроде как неудобно... Да и обратно мне ее на себе тащить, а то я не знаю. Ты ее каблуки видела? А брусчатку на центральной площади — видела?

Это все были риторические вопросы.

Алиса не собиралась вступать с Игнатом в прения, но, наверное, напряжение последних дней дало о себе знать. Потому что она взяла да и спросила с совершенно несвойственной ей прямоотой:

— Игнат, а почему ты наш дом дурдомом назвал?

— А разве не так?

— Нет, — мрачно возразила она.

— Он же чокнутый.

— Кто?

— Твой муж.

— Ты называешь Романа чокнутым?!

— Я не специалист, конечно, но у него явно какие-то психические сдвиги. А ты ему подыгрываешь. Усугубляешь его состояние, то есть...

— Ты же не специалист в этой области! В психиатрии! Как ты можешь разбрасываться диагнозами?! Ты же... этот... — Алиса сбилась, пытаясь вспомнить слово.

— Пульмонолог. Если точнее — физиопульмонолог. Но, в общих чертах имею представление и о прочих разделах медицины, поверь... Да пусть Ромочка хоть сто раз псих, но ты-то ему зачем подыгрываешь? — скривился Игнат и стал похож на какого-то злого тролля из детской сказки — с этим носом, с прядями волос, завитками, падающими ему на лоб, изогнутыми, словно

в какой-то смертной муке губами... И уши, уши у него еще торчали, тоже какого-то «тролльского» вида...

— Роман не псих, — спокойно произнесла Алиса. — Психи не пишут книги и не проводят выступлений при битком набитых залах. Психи не получают больших гонораров, не строят дома. С психами не живут жены по семнадцать лет...

Игнат улыбнулся, вернее, оскалился, показав зубы.

— Ты ведь сейчас злишься, да? — продолжила Алиса. — Каждый раз, встречая тебя, я чувствую, как внутри тебя как будто что-то крутится, вертится... Ты ведь чуть не корчишься при виде Романа!

Алиса до этого момента никогда не вела откровенных разговоров с Игнатом, но тут, верно, не смогла сдержаться, ее нервы тоже были на пределе, из головы не шло признание мужа о его близком конце.

— Да. Все так, — неожиданно легко согласился Игнат. — Меня здорово колбасит, когда я вижу брата. Вернее, замечаю, что к нему все окружающие относятся с восхищением... Даже не отдавая себе отчета в том, что их король-то — голый!

— В каком смысле? — нахмурилась Алиса.

— Ты тоже этого не замечаешь, — полуутвердительно, полувопросительно произнес Роман. Допил бокал, поставил его на отдельный столик, где собиралась использованная посуда. Затем потянулся за следующим бокалом с шампанским...

«Да он пьяненький! — внезапно догадалась Алиса. — И чего я с ним спорю!»

Она фыркнула и, забрав тарелку, отправилась в сад. С трудом нашла детей с Петровичем — они играли в прятки. Сережа и Артем с удовольствием набросились на угощение.

Затем Алиса вернулась к гостям. Наблюдала за тем, все ли в порядке в фуршетной зоне, нет ли кого скучающего. Иногда переглядывалась издали с Романом — он отвечал ей кивком, едва заметно улыбаясь: «Все хорошо, детка!»

Каждый раз после этих переглядываний у Алисы сжималось сердце.

К Игнату она старалась не приближаться, избегала его. Злой, нехороший человек... Наверное, Игнат просто завидует сводному брату. Интересно, что сказал бы Игнат, если бы узнал об истинном положении дел у Романа, о его проблемах со здоровьем? Посочувствовал бы Игнат своему брату? О, это вряд ли. Скорее уж позлорадствовал бы...

В какой-то момент Алиса заметила, что Елена довольно долго стоит у окна, разглядывает витражи, отвернувшись ко всем гостям спиной.

— Елена... Как настроение? — приблизилась к ней Алиса.

— А? — рассеянно отозвалась та, повернулась к Алисе. — Да вот... задумалась о том, что время быстро летит.

Обычно эффектная, бодрая, Елена выглядела сегодня странно: уставшей, с темными подглазьями и складками у губ — как будто еще глубже, еще горше.

— Ты что все оглядываешься? — спросила она Алису.

— Наблюдаю за Игнатом. Как бы он не напился, не устроил скандал.

— Да он не пьет, — с видом знатока произнесла Елена. А, ну да, Елена же все и про всех знала!

— Вот именно. Он не пьет, а сейчас напьется шампанского и что-нибудь точно выкинет, — поделилась своими опасениями Алиса. — Самые опасные на вечеринках — это именно малопьющие люди, принявшие «клишнего». Только что с Игнатом беседовала, он как будто не в себе.

— Ну, с шампанского много не набедокуришь! — засмеялась Елена, и глубокие складки возле ее рта стали видны еще отчетливей. — А не в себе он из-за своей Дарьи.

— Из-за жены? — удивилась Алиса.

— Ты как будто с другой планеты... Дарья — не жена Игната, а его сожительница.

— А какая разница, пусть будет гражданская жена... — махнула рукой Алиса.

— Нет, большая. У Дарьи — трое детей, тут хочешь не хочешь, а на стенку полезешь! — коротко засмеялась Елена.

— Трое? — удивилась Алиса.

— Ага. Старшая, Люда, уже в институте учится, в Питере, на юриста. На платном. Игнат за нее платит причем.

— Почему причем?

— Да это же не его дети, не Игнатовы! — возмутилась Алисиному незнанию Елена. — Там еще Маша есть, средняя дочь, ей шестнадцать, что ли, предпоследний класс, и тоже надо придумывать, куда идти и кому платить, поскольку и Маша не семи пядей во лбу, а, помимо

того, у Дарьи и сын есть, Коля, ему четырнадцать, и у него проблем хватает, ибо возраст самый горячий, подростковый.

— А свои дети у Игната есть? — спросила Алиса. Ее никогда не интересовали вопросы, касающиеся чужой личной жизни, и по отношению к себе она тоже подобного любопытства не терпела, но ей вдруг показалось важным — разобраться в хитросплетениях семейных отношений мужа и его родни... Что там впереди, от кого в ближнем кругу следует ожидать подвоха?..

— Нет. Все трое Дарьины дети — от бывшего супруга, с ним она развелась давно, и тот даже алименты не платит. Игнат с Дарьей уже лет двенадцать вместе, разве ты не в курсе?

— Может, и слышала, но как-то мимо ушей пропустила, — пожала плечами Алиса. — Получается, Игнат — хороший человек, раз так заботится о чужих детях. Хотя, наверное, чужих детей не существует!

Елена передернула плечами, вздохнула, потом продолжила:

— Дарья-то на два года старше Игната, между прочим. Ей уже сорок. Какие теперь общие дети? Хотя... Да дело и не в детях, у них странные отношения, эта Дарья — себе на уме, непонятная она...

— А что ты о Галине можешь сказать? — пользуясь моментом, опять спросила Алиса.

— Галина еще непонятней! — с досадой воскликнула Елена. — Очень закрытая мадам. Забор два метра вокруг ее дома, и ни одной подруги. Нигде не работает. Что делает, откуда у нее деньги на детей — тайна, покрытая мраком.

— А что ее муж, отец детей?

— Да не было у нее никогда мужа! — покачала головой Елена. — Детей она родила после того, как куда-то в отпуск съездила, далеко. Приехала, и через положенное время — Артем с Сережкой появились на свет. Думаю, тот человек, отец детей, женатый, платит ей, чтобы молчала и детей воспитывала. Роман ее все жалеет — «ах, бедная мать-одиночка!», а она очень даже неплохо устроилась.

«Жалеет. Вот почему. Да, теперь понятно...» — мелькнуло в голове у Алисы.

— Там, рядом с Галиной, по соседству, в одном с ней дворе — Василий, ее двоюродный брат, так и он не в курсе, что к чему у Галины, — понизив голос, повела Елена. — Хотя, конечно, какой толк от Василия, он молодой мужик, ему тридцать всего, охота ему в чужую жизнь, да еще в бабскую, лезть...

«А я вот лезу, — подумала Алиса с раздражением. — Что на меня нашло, зачем я вдруг взялась обо всем этом выспрашивать? Зачем мне эти люди, они мне ничем не помогут... Но и не навредят ведь тоже? Чужая скучная жизнь, которая не имеет ко мне никакого отношения. И Игнат посмел назвать Романа психом? Да они все тут ненормальные! Какие-то тайны, чужие дети, ни одной счастливой семьи...»

Алиса отошла от Елены, сославшись на занятость. Покружила еще по залу, затем натолкнулась на Марину.

— Алисочка, как же я тебе завидую, — с чувством произнесла та. — Супруга такого замечательного человека... Ты, должно быть, безмерно счастлива.

— Да. Я счастлива, — твердо произнесла Алиса. — У меня самый лучший муж на свете, и...

Продолжить она не смогла, потому что у нее перехватило горло, а рыдать в этот день, посреди праздника, никак нельзя.

— Роман — гений, — убежденно произнесла Марина. — Я прочитала все его книги, и не по одному разу, я много с ним беседовала... Мне кажется, Роман — не человек, а некое божественное существо, через которое нам Мироздание передает высшие истины... Ты читала его книги?

Алиса кивнула. Она тоже прочитала все книги мужа и вроде почерпнула из них многое. Единственное, не поняла, как эти знания применить к собственной жизни. Наверное, потому, что учение Романа Эрленда — для тех заблудших, что потеряли дорогу, сбились с пути. А с самой Алисой все было в порядке, ей помощь не требовалась.

Хотя, если подумать, скоро Алисе как раз понадобится помощь. Когда Романа не станет...

— ...это ведь гениальная идея — визуализация своих желаний, — между тем вещала Марина. — Оказывается, все так просто. Человек в своем воображении создает образ желаемой действительности. Наши мечты и фантазии могут легко воплотиться в реальность, если мы правильно это сделаем.

Алиса, рассеянно улыбнувшись, кивнула. «Как странно, — подумала она. — Все помешаны на этой визуализации, все чего-то хотят... А мне не о чем мечтать. Совсем. Потому что у меня все есть. Или... ох ты, не-